

Kr. Barons und H. Wissendorffs. Latwju dainas (Хр. Баронъ и Г. Виссендорфъ. Латышскія народныя пѣсни). Т. I, LIV+970, Митава, 1894; т. II, 1162, Петроградъ, 1903; т. III₁, 638, Петроградъ. 1904; т. III₂, 784, Петроградъ, 1906; т. III₃, 1008. Петроградъ, 1909; т. IV, 646, Петроградъ, 1910; т. V, 812, Петроградъ, 1915; т. VI, 192, Петроградъ, 1915.

Не могу не обратить вниманія своихъ русскихъ коллегъ на недавно законченное изданіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Исторія его изложена на латышскомъ языкѣ въ предисловіи, а на нѣмецкомъ языкѣ въ концѣ V-го тома. Суть ея вкратцѣ такова. Тогда какъ раньше латышскія народныя пѣсни собирались и издавались нѣкоторыми нѣмецкими пасторами, въ началѣ 60-хъ годовъ латышскій публицистъ Хр. Вальдемаръ указалъ, что латышамъ уже самимъ слѣдуетъ собирать памятники своей народной поэзіи и ознакомить съ ними также русскую публику. Последнему пожеланію соотвѣтствовали изданные затѣмъ сборники И. Спрогиса (1868 г.) и Фр. Трейлаанда (1873 г.), снабженные русскимъ переводомъ латышскихъ пѣсенъ. Изъ нихъ Фр. Трейлаандъ также впоследствии лично и письменно побуждалъ своихъ земляковъ записывать народныя пѣсни, и благодаря этому съ теченіемъ времени накопилось громадное количество записанныхъ пѣсенъ. За подготовку и редакцію печатнаго изданія ихъ безвозмездно взялся Хр. Баронъ (математикъ по образованію). Обезпечено же было изданіе ихъ Г. Виссендорфомъ, снарядившимъ также экспедиціи съ цѣлью собирать народныя пѣсни и собравшимъ такимъ путемъ 28406 пѣсенъ; 1-й томъ былъ изданъ на средства самого Г. Виссендорфа, остальные же томы по его ходатайству—Императорской Академіей Наукъ послѣ соотвѣтствующаго доклада академика К. Залемана. — Портреты Фр. Трейлаанда, Хр. Барона и Г. Виссендорфа помѣщены въ началѣ V тома.

Оказывается, что въ распоряженіи Хр. Барона было всего около 218000 пѣсень (въ томъ числѣ около 18000 раньше уже другими напечатанныхъ); по выдѣленіи вариантовъ осталось еще 35789 номеровъ. Варианты не опущены въ изданіи: наиболѣе самостоятельныя изъ нихъ напечатаны (петитомъ) цѣликомъ, изъ остальныхъ же вариантовъ помѣщены лишь тѣ формы и обороты, которыми они отличаются отъ главнаго текста (при этомъ за каждымъ текстомъ условныя цифры и буквы, поясненныя въ особомъ приложеніи къ каждому тому, указываютъ, гдѣ и къмъ записана данная пѣсня). Эти варианты представляютъ собою критическій аппаратъ и цѣнный комментарий къ основнымъ текстамъ.

Наиболѣе труднымъ для редактора былъ вопросъ, въ какомъ порядкѣ печатать отдѣльныя пѣсни или на какія группы раздѣлить ихъ. Если при этомъ обращать вниманіе только на содержаніе пѣсни, то она нерѣдко можетъ быть отнесена къ нѣсколькимъ группамъ. Поэтому редакторъ рѣшилъ при группировкѣ пѣсень руководствоваться также обстановкой, при которой пѣлись отдѣльныя пѣсни, или назначеніемъ ихъ. При этомъ получились слѣдующія главныя группы: 1) о пѣсняхъ и пѣніи; 2) теченіе жизни человѣка; семейный бытъ и отношеніе родственниковъ другъ къ другу (а) дѣтскій возрастъ, б) члены семьи и ихъ взаимныя отношенія, в) сироты, д) юношескій возрастъ, е) бракъ, ф) отношенія замужней дочери къ отцовскому дому, родителямъ, братьямъ и сестрамъ, г) супружество, h) старость, i) болѣзнь, смерть, похороны); 3) хозяйственная и промышленная дѣятельность человѣка и разныя ремесла; 4) общественное положеніе, званіе и сословіе; 5) международное положеніе; защита родины и государства отъ внѣшнихъ враговъ (это заглавіе, однако, объѣмаетъ больше, чѣмъ въ дѣйствительности затѣмъ даетъ этотъ отдѣлъ); 6) годовые праздники; 7) миѳическія пѣсни; 8) обычаи и суевѣрія; 9) смѣсь. Кромѣ самихъ пѣсень, въ соответствующихъ мѣстахъ помѣщены еще цѣнныя свѣдѣнія изъ различныхъ мѣстъ о самомъ пѣніи, объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ, на крестинахъ и при уходѣ за дѣтьми, при сватаніи, на свадьбахъ и на похоронахъ, о празднованіи Иванова дня, объ играхъ и хороводахъ. — Въ VI-мъ же томѣ, въ продажу не поступающемъ, помѣщены «*facetiae et erotica*».

Принципъ группировки пѣсень въ зависимости отъ обстановки и времени ихъ пѣнія считаю въ данномъ случаѣ весьма правильнымъ, такъ какъ при такой группировкѣ уже само мѣсто, гдѣ помѣщена та или другая пѣсня, до нѣкоторой степени поясняетъ смыслъ и значеніе ея. Въ частности, конечно, можно, пожалуй, кое-гдѣ и не соглашаться съ редакторомъ относительно помѣщенія той или другой пѣсни, и остались пѣсни, объединенныя только заглавіемъ «смѣсь»; и иногда не легко

найти въ огромномъ изданіи ту или другую намъ знакомую пѣсню. Но все это было, пожалуй, неизбежно, какова бы ни была группировка пѣсень. Исслѣдователи латышской діалектологіи, правда, предпочли бы группировку пѣсень по говорамъ. Но такая группировка слишкомъ увеличила бы размѣры изданія, и затѣмъ лишь сравнительно немного пѣсень (главнымъ образомъ изъ инфлянтскихъ и восточно-лифляндскихъ мѣстностей) представляютъ собою чисто діалектическіе тексты: по большей части діалектическія особенности или цѣликомъ, или частично устранены лицами, записывавшими эти пѣсни. Кромѣ того, изданіе назначено, вѣдь, не для однихъ діалектологовъ.

Въ концѣ V-го тома помѣщена карта латышскаго края съ обозначеніемъ мѣстностей, гдѣ записаны народныя пѣсни. Оказывается, что количество записанныхъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ пѣсень весьма неравномерно, и это едва ли обусловлено только неодинаковымъ для всѣхъ мѣсть числомъ и усердіемъ записывавшихъ пѣсни лицъ. Особенно много пѣсень записано въ окрестностяхъ р. Двины (въ Ленневарденѣ 6126, въ Штокмансгофѣ 2487, въ Сецентѣ 2772, въ Зельбургѣ 3389, въ Крейцбургѣ 4945) и немножко къ сѣверу отъ Двины въ Лифляндіи (въ Берзонѣ 3081, въ Эрлаа 4010, въ Лубанѣ 6039, въ Зессвегенѣ 3318). Значитъ, въ одномъ Ленневарденскомъ приходѣ записано больше пѣсень (6126), чѣмъ въ цѣломъ Вольмарскомъ уѣздѣ (5439), и этому соотношенію соответствуетъ то обстоятельство, что во время діалектологическихъ экскурсій я въ Ленневарденѣ даже не успѣлъ записать всѣхъ пѣсень сказительницъ, тогда какъ въ приморскихъ мѣстахъ Вольмарскаго уѣзда мнѣ лишь съ трудомъ удалось записать немного пѣсень. Изъ остальныхъ мѣсть слѣдуетъ еще отмѣтить Нитау съ 2532 п., Либьень съ 2429 п., Лезернь съ 2995 п., Тирзенъ съ 2978 п., Альшвангенъ съ 2891 п., Цирау съ 3228 п., Дондангенъ съ 2901 п., Кабилленъ съ 3836 п. и Жукеть съ 2006 п.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ изданіе «Latwju dainas» не вошли свадебныя пѣсни, записанныя К. Петерсономъ въ западной Курляндіи и изданныя имъ въ рижскомъ «Rakstu krājums» XVI (1912 г.), Зельзаускія пѣсни, изданныя И. Каулинемъ ВВ XVI 323 слл., пѣсни, помѣщенные Беценбергеромъ въ его Lettische Dialekt-Studien 7 слл., пѣсни, записанныя К. Мюленбахомъ и мною во время діалектологическихъ экскурсій, которыя собираемся издать впоследствии въ монографіи о латышскихъ говорахъ, и Маріенбургскія пѣсни, помѣщенные Э. Бренцемъ въ рижскомъ «Rakstu krājums» XVII 103 слл.

Главная масса латышскихъ народныхъ пѣсень представляетъ собою четверостишія (о распространеніи формы четверостишія среди другихъ

народовъ см. G. Meyer *Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde*, стр. 292 сл., 332 сл. и 365 сл.). Каждый стихъ латышскаго четверостишія первоначально состоялъ изъ четырехъ хореевъ съ главными удареніями на 1-омъ и 5-омъ слогахъ и съ обязательной цезурой послѣ второй стопы; вълѣдствіе утраты въ латышскомъ языкѣ старыхъ краткихъ гласныхъ конечнаго слога теперь нерѣдко вторая и четвертая стопы состоятъ только изъ одного слога (за которымъ утраченъ первоначальный конечный гласный). Ср. подобный размѣръ въ финской народной поэзіи. Сравнительно рѣдко стихи состоятъ изъ своеобразныхъ сочетаній дактилей и хореевъ; подробности о латышской метрицѣ см. у Л. Берзиня *Magazin XIX 4*, 288 сл. — Рима въ латышской народной поэзіи неупотребительна (рѣдкіе примѣры у П. Шмидта *Etnogr. rakstu kr. 1*, 56), зато есть случаи аллитераціи, см. Zubatý *O alliteraci v pisnich lot. a lit.* (*Sitzungsber. d. Kön. böhm. Ges. d. Wiss.* 1894 г., III и П. Шмидтъ I. с. 55 сл.). — Въ первой половинѣ четверостишія часто находимъ въ видѣ параллели картину изъ природы, какъ и въ народной поэзіи другихъ націи, см. G. Meyer I. с. 377 сл. — Въмѣсто четверостишія иногда находимъ и шестистишія и только изрѣдка (напр. № 4731) также восьмистишія. Всѣ эти четверостишія и шестистишія вмѣстѣ взятая представляютъ собою грандіозную лирическую эпопею крестьянскаго быта прошлыхъ столѣтій. — Попадаютъ и болѣе объемистыя пѣсни, эпическаго (но не историческаго) характера; это романсы, по содержанію (но не по формѣ) отчасти напоминающіе литовскія народныя пѣсни (параллельные относительно содержанія литовскіе и латышскіе пѣсенные тексты сопоставлены Я. Лаутенбахомъ: *Очерки изъ исторіи литовско-латышскаго народнаго творчества*, стр. 14 сл.).

Что касается древности латышскихъ пѣсень, то частичное сходство содержанія между нѣкоторыми литовскими и латышскими романсами, разумѣется, само по себѣ ничего не доказываетъ въ пользу большой древности такихъ пѣсень, такъ какъ пѣсенные мотивы подобно словамъ странствовали отъ одного народа къ другому. Судить о приблизительномъ времени происхожденія латышскихъ народныхъ пѣсень можно только на основаніи тѣхъ воззрѣній и реалій, какія отражаются и встрѣчаются въ этихъ пѣсняхъ, и отчасти также на основаніи ихъ языка. Разсмотрѣвъ пѣсни съ этой точки зрѣнія, проф. П. Шмидтъ пришелъ къ заключенію, что главная масса латышскихъ пѣсень возникла въ эпоху католицизма въ прибалтійскомъ краѣ, т. е. въ теченіе 13—16 столѣтій, см. рижскій *Rakstu krājums XIV* 101 сл. и также его *Etnografisku rakstu krājums I* 18 сл., 27 сл. и 128 сл. Есть однако также пѣсни, возникшія несомнѣнно позже, такъ, напри., тѣ (№ 31919 и др.), гдѣ

рѣчь идетъ о (русскомъ) «императорѣ». И содержаніе (и языкъ) весьма многихъ пѣсенъ не даетъ никакого указанія на время ихъ происхожденія.

Научное значеніе этого изданія латышскихъ пѣсенъ весьма велико. Во-первыхъ, оно важно для языковѣдовъ. Въ этихъ пѣсняхъ находимъ не мало словъ, которыхъ нѣтъ въ имѣющихся у насъ латышскихъ словаряхъ. Затѣмъ онѣ являются обильнымъ и наиболѣе надежнымъ источникомъ для латышскаго синтаксиса. При записываніи сказокъ крайне трудно или даже невозможно поспѣвать за сказителемъ; повторяя же раньше сказанное, онъ часто мѣняетъ первоначальную форму предложеній, а если заставить его рассказывать медленно, то вмѣсто стройнаго рассказа по большей части получаются лишь отрывистыя фразы. А вслѣдствіе этого записанныя сказки не всегда являются вѣрнымъ отраженіемъ живой народной рѣчи. Записывать же пѣсни гораздо легче, такъ какъ ихъ стихотворная форма мѣшаетъ искаженію. Благодаря требованіямъ размѣра въ народныхъ пѣсняхъ нерѣдко сохраняются такія особенности синтаксиса, которыя въ разговорномъ языкѣ болѣе не употребляются. Много, но значительно меньше (чѣмъ для синтаксиса) латышскія народныя пѣсни даютъ для морфологіи и фонетики, и тутъ ими слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью. Во-первыхъ, надо отличать настояція окончанія отъ вставочныхъ гласныхъ, которые, однако, до сихъ поръ нѣкоторыми языковѣдами принимались за дѣйствительныя окончанія. Дѣло въ томъ, что въ пѣсняхъ, благодаря требованіямъ размѣра, краткіе конечные гласные сохранялись дольше, чѣмъ въ разговорномъ языкѣ. Когда же въ послѣднемъ окончательно исчезли старые конечные гласные, то уже, появляясь еще въ пѣсняхъ, они должны были казаться лишь возникшими благодаря требованіямъ размѣра вставочными гласными, а вслѣдствіе этого такіе гласные потомъ стали употребляться безразлично, причемъ одні сказительницы предпочитаютъ одинъ вставочный гласный, другія — другой. Такъ, наприм., вмѣсто обычной формы *dīevs* «богъ» (изъ *dievas = лит. *diēvas*) въ пѣсняхъ благодаря требованіямъ размѣра часто появляется двусложная форма, чаще всего *dievis* (подъ вліяніемъ именъ на *-is* типа *brālis* «братъ»), но въ разговорномъ языкѣ формы вродѣ *dievis* нигдѣ не встрѣчаются и, вѣроятно, никогда и не встрѣчались; а поэтому такое *dievis* показываетъ языковѣду лишь то, что *dīevs* восходитъ къ болѣе древней двусложной формѣ, но ничего не говоритъ о качествѣ утраченнаго между *v* и *s* гласнаго. Ср. объ этихъ вставочныхъ гласныхъ *Zubatý Über die sogenannten Flickvokale des lettischen Volkslieds* (Sitzungsber. d. kön. böhm. Ges. d. Wiss., 1895 г., № XIX), *Погодинъ Ж. М. Н. Пр. CCCLII 95* сл. и *Мюленбахъ Изв. IX 3, 239* и *IF XIII 261*.

Затѣмъ правописаніе изданія — не по винѣ редактора — весьма неудовлетворительно. Болѣе или менѣе послѣдовательно обозначены количество и интонаціи только въ пѣсняхъ (напечатанныхъ латинскимъ шрифтомъ) изъ Витебской губерніи и нѣкоторыхъ приходовъ восточной Лифляндіи. Остальныя же пѣсни (напечатанныя обычнымъ въ латышской письменности готическимъ шрифтомъ) были записаны безъ обозначенія интонацій и съ обозначеніемъ (да и то непослѣдовательнымъ!) количества или только въ окончаніяхъ или же только въ корневомъ слогѣ. А что редакторъ въ этомъ отношеніи не «исправлялъ» текстовъ, это совершенно правильно, такъ какъ въ противномъ случаѣ тексты стали бы менѣе надежными. Итакъ, теперь языковѣды, пользуясь этимъ изданіемъ, постоянно должны считаться съ тѣмъ, что количество гласныхъ—особенно въ суффиксальныхъ и конечныхъ слогахъ—не обозначено послѣдовательно; такъ, наприм., вмѣсто *tumu* въ № 10888 слѣдуетъ читать *tūmu* «близко», вмѣсто *nesertat* въ № 12176 — *nesĕrtat* «не рубите» (еще другіе примѣры приведены мною въ рецензій на II-й томъ этого изданія въ журналѣ *Austrums* XX 556).

Далѣе, какъ указано уже выше, діалектическія особенности записывавшими пѣсни лицами устранины или цѣликомъ, или частично. А такое частичное устраненіе діалектическихъ формъ иногда можетъ языковѣдовъ ввести въ заблужденіе. Такъ, наприм., въ четвертомъ вариантѣ пѣсни подъ № 7570 (изъ восточнолатышской Леттинской волости, гдѣ старое *ie* измѣнилось въ *ī*, старое же *ī* въ *ei*), въ остальныхъ случаяхъ представляющемъ формы литературнаго языка, находимъ вмѣсто обычнаго *dieveris* «дѣверь» форму *dīveris*. Казалось бы, что тутъ имѣемъ дѣло съ чередованіемъ гласныхъ корневого слога (*ie*: *ī*), а между тѣмъ едва-ли подлежить сомнѣнію, что въ *dīveris* *ī* изъ стараго *ie* (записавшее эту пѣсню лицо, вѣроятно, не знало литературной формы *dieveris* и поэтому оставило діалектическое *ī* незамѣненнымъ черезъ *ie*). Еще другіе такого рода примѣры приведены мною въ вышеупомянутой рецензій стр. 554. — Въ другихъ случаяхъ находимъ и неправильную транскрипцію въ литературный языкъ. Такъ, наприм., смягченное *ġ* утрачено въ большей части говоровъ, и вслѣдствіе этого находимъ часто *g* вмѣсто ожидаемаго *ġ*, или (рѣже) *ġ* вмѣсто правильнаго *g*; наприм., въ вариантахъ подъ № 9809, 1 (изъ Виценгофа) и подъ № 10577 (изъ Гаррозена) находимъ форму *gen. s. puġa* «болота»: въ дѣйствительности въ Виценгофскомъ и Гаррозенскомъ говорахъ *ġ* утрачено и замѣнено черезъ *g*, а въ говорахъ, сохранившихъ *ġ*, насколько мнѣ извѣстно, форма *gen. s. puġa* неизвѣстна, такъ что слѣдовало писать *puġa* (изъ *puġva*), какъ и произносятся въ Виценгофѣ и Гаррозенѣ.

Опечатки исправлены (въ концѣ отдѣльныхъ томовъ) не все; ср. нѣсколько примѣровъ, указанныхъ въ моей рецензiи I. с. 555.

Въ сомнительныхъ случаяхъ на правильное чтенiе часто указываютъ многочисленные варианты.

Важнымъ источникомъ *Latwju dainas* могутъ служить также для историковъ, этнографовъ и мифологовъ. Такъ, наприм., только изъ народныхъ пѣсень узнаемъ, что когда-то и у латышей имѣлись свои «*clabieši*» (= «добрые» или «лучше люди» древней Руси), ср. объ этомъ мою статью въ рижскомъ *Rakstu krājums* XVI 267 слл. О значенiи пѣсень для историковъ см. также статью П. Шмидта въ его *Etnografisku rakstu krājums* I 73 слл. — Ученымъ, невладѣющимъ латышскимъ языкомъ, пользованiе этимъ изданiемъ значительно облегчаетъ подробное оглавленiе на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, помѣщенное въ концѣ V-го тома.

Спасибо Императорской Академiи Наукъ за изданiе, а Хр. Барону за самоотверженный и огромный трудъ редактированiя этихъ пѣсень!

И. Эндзелинь.